

Цикл:

«Шесть высочеств и одна ассара»

1. Шесть высочеств и одна ассара
2. Шесть высочеств и одна ассара. Путь огня
3. Шесть высочеств и одна ассара.
Путь менталиста

Екатерина Боброва

*Шесть
высочеств
и одна ассава.
Путь
менталиста
Книга третья*

RUGRAM

Боброва Е.

Б72 Шесть высочеств и одна ассара. Путь менталиста/
Е.Боброва. — М.: Т8 Издательские технологии / RUGRAM,
2024. — 390 с. — (Шесть высочеств и одна ассара)

ISBN 978-5-517-11490-7

- Прошу, - Четвертый открыл дверь приемной, - хочу
вам представить нового декана, которого мы бы желали
видеть в данной должности.

- Господин ректор, - с дивана радостно улыбаясь —
словно у него случился самый счастливый день в жизни
— поднялся виновник загубленных нервов наставников,
участник многочисленных скандалов, автор извращенных
розыгрышей, лучший выпускник факультета менталистики
и наихудший по дисциплине курсант.

- Кайлес, - стиснул зубы ректор.

- И я рад вас приветствовать, коллега, - отвесил изящный
поклон лорд Кайлес, не забывая светиться от счастья, -
уверен, мы сработаемся.

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-517-11490-7

© Екатерина Боброва, текст, 2024
© Александра Коломейцева, обложка, 2024
© RUGRAM, 2024
© Т8 Издательские технологии, 2024

Глава 1

— Горжусь тобой, — прошептал на ухо Фильярг, обнимая. Он сам, никому не доверяя, отнес ее в душ, намыл, вытер, передел в сухое. И теперь они стояли (она, прижившись спиной к его груди) и любовались двумя розовыми комочками.

Юля с содроганием, точно дурной сон, вспомнила последний месяц.

Сил не было. Ни физических, ни моральных. Когда ее забрали во дворец, она уже не могла уже ходить. Постоянно мерзла и все дни полулежала в кресле около горящего камина. Целитель не покидал ее дольше, чем на полчаса, притаскивая новые накопители, но измученный организм, словно решето воду, не мог удержать ничего.

Артефакт, подаренный водной стихией, полностью опустел за три дня до родов. И вот тогда Юле стало по-настоящему плохо. Постоянно мучили жажда и холод, словно внутри поселился иссушающий кусочек льда. От него по телу расплзалась болезненная слабость, принося мучительную лихорадку. Становилось немного легче в присутствии Фильярга, но потом и это перестало помогать.

Приходила Седьмая. Сочувственная. Заботливая. Приносила вкусняшек, на которые Юля лишь взглянула. Заходил хмурый величество. Качал головой. Ругался. Потом втроем с целителем и Фильяргом заставлял ее поесть. И было столь необычно видеть его величество с ложкой в руке, что Юля от удивления смогла впихнуть в себя немного еды.

Радовало одно — показатели детей были в норме. Это означало, что они родятся в любом случае, а она...

— Я послал за калкалосом, — каждый вечер преувеличенно бодро докладывал муж, только Драго все не было. Зато было шевеление жизни внутри. Нетерпение — скорее бы. Усталость. И растущее

чувство пустоты там, где по заверениям наставников, находился ее источник силы. — Ты могла умереть.

Фильярг тоже устал. Жить с чувством надвигающийся беды. Ждать худшего. И теперь не мог до конца поверить, что все закончилось. Потому не отпускал от себя, крепко прижимая. И даже на калкалоса ругаться не стал. И на поднятый по тревоге среди ночи дворец (уже почти уже традиция). И на магическую передозировку безмолвных.

Юля повернулась, обняла, привстала, коснулась губами щеки, вкладывая в поцелуй всю нежность, всю благодарность — за доверие, за поддержку, за любовь.

— Как себя чувствуешь? — спросил он тихо. Горячие ладони легли на спину, не давая отстраниться. Юля положила голову мужу на грудь. Вдохнула совершенно счастливо. Она, муж, дети. Проверила Совенка — тот спал, и она не стала его будить. Утром проснется и узнает новости. Вот тогда она и спросит, что же такого он учудил.

Чувствовала Юля себя неплохо: немного кружилась голова, иголочками покалывала впитанная столь быстро сила. Боли не было. Все же медицина здесь была на уровне, вот только рождение мага подразумевало не просто физическое воспроизведение копии себя, но еще и деление собственного магического источника на три (в ее случае) части. И если бы силы не хватило, она отдала бы жизненную энергию.

Юля тряхнула головой, выбрасывая уже лишние мысли.

Организм пребывал в состоянии офигевания и одновременно эйфории. Сначала осушили практически до дна, потом откуда-то пригнали столько энергии, что хватило и родить, и самой в живых остаться. А под конец появился калкалос, устроив энергетическую подзарядку душам.

— Странно, — честно призналась Юля. Отдыхать не хотелось. Мозги не могли успокоиться, прокручивая события последних часов. Тело же требовало движения. Мозг предлагал пойти, упасть

и вырубиться — все—таки роды были выматывающими, а тело считало, что оно еще ого-го и вообще.

— Не вздумай, — поймал ее взгляд в окно Четвертый. Сжал. Предупредил серьезно: — Я тебя никуда не отпущу. Если понадобится — свяжу.

— Прекрасная мысль, — поддержал, входя в комнату Харт.

Юля удивленно вскинула брови. Третий остановился, поправил висевшую на плечах драконью шкуру, стукнул себя по лбу. Вышел, отбарабанил пальцами по открытой двери и снова вошел.

— Будем считать, формальности соблюдены, — объявил громко.

— Ты пьян, — поморщился Фильярг.

— И кто виноват? — спросил Харт, смотря при этом исключительно на ассару.

Юля на попытку надавить на совесть лишь пожала плечами, сказав:

— Тебя никто не просил стоять так близко.

Харт не ответил, прищурился, взгляд сделался недобрый. Однако развивать тему не стал.

— Раз извинений не будет, тогда у меня предложение. — И он придержал пытавшуюся соскользнуть с плеч шкуру. — Через месяц очередной раунд переговоров о камнях с калкалосами. Ты участвуешь.

— Нет.

— Нет? — вскинул брови. Нахмурился. Раздраженно дернул рукой и неуклюже бросился ловить так и норовившую удрать шкуру. — И это после того, что он для тебя сделал?

— Кто? — не поняла Юля.

— Этот. Твой. Драго. Вот. — Харт тряхнул шкурой. Чешуйки мелодично звякнули друг о друга. Но Юля продолжала непонимающе смотреть, и Третий снизошел до пояснения: — Калкалосы линяют два раза в жизни: в детстве и входя в период полной зрелости. И в этот период им лучше не попадаться, они даже от сородичей прячутся, чтобы никого не покусать. Но твой калкалос специально

вызвал линьку — видимо, это был единственный способ принести воду из источника. Я могу сделать вывод — ты ему дорога. И потому, — палец ткнулся в Юлю, — именно ты договариваешься об увеличении добычи камней и снижении оплаты.

Фильярг шагнул было вперед, но Юля его опередила. Подошла, заглядывая снизу—вверх в лицо Третьего высочества. Харт чуть отступил, поймав полный ярости взгляд ассары.

— Если все так, как ты говоришь, — отчеканила Юля, — то я могу сделать лишь одно — подтвердить, что отныне мы платим двойную цену за каждый добытый камень. Из благодарности за свою жизнь.

У Харта дернулся глаз. Он скосил взгляд на шкуру. Проговорил задумчиво:

— А отдам-ка я ее Первому. Он будет в восторге.

Круто развернулся. Едва не завалился. И быстрым шагом удалился из комнаты.

Юля разъяренно посмотрела ему вслед. Предложить воспользоваться дружбой ради сиюминутной выгоды?

— Не злись, — попросил Фильярг, привлекая к себе, — брат, когда переберет, всегда страдает идеями что-нибудь улучшить в государстве.

Юля выдохнула, успокаиваясь, и проворчала:

— Пусть идет на ком-нибудь другом... улучшает.

Прерывисто вздохнула, ощущая, как сердце защемило от боли. Драгушка... ее любимый чешуйчатый ящер. Горячие слезы потекли по щекам. Накатило все. Напряжение последних недель. Иссущающая тревога за Совенка. Переживания за родных. Тяжелые, выматывающие взгляды его величества. Заботливая нежность в глазах мужа. Все это сейчас выплескивалось обильными слезами.

— Ты плачешь? — всполошился Фильярг. — Он тебя обидел? Хочешь, я набью ему морду? По-братски. Когда протрезвеет.

Юля покачала головой. Не поможет. Харт тут ни при чем.

Как отблагодарить того, у кого крылья вместо рук, сотни лет прожитой жизни и нечеловеческая логика? И как по-женски плакать о таком...

Жалость перехватила горло. Сколько же людей и нелюдей Юлия заставила переживать за последнее время. Вон даже Третьему прилетело.

— Больно? — обеспокоенно допытывался Фильярг.

— Нет, — проговорила глухо, утыкаясь в мужскую грудь. Просто захотелось поплакать, потому как быть сильной, улыбаться его величеству, мужу, заверять окружающих, что у нее все хорошо... ужасно утомительно.

— Постой так, ладно? — попросила, орошая слезами рубашку мужа.

И Четвертый послушно замер, обнимая.

— Курсант Шильярд. — Ректор скользнул суровым взглядом по поникшей фигурке мальчика. Поморщился. Обошел вокруг.

Момент, когда надо выносить наказание провинившемуся, он не любил. А всему виной сомнения: сильно накажешь — взрастишь боязливость, слабо — не добьешься нужного эффекта. Наказание должно быть в самый раз, чтобы накрепко въелось в память.

— Я разочарован, — сообщил провинившемуся. Покачался с пятки на носок, заложил руки за спину и продолжил: — Вам оказали доверие, поселили в комнате с его высочеством, а вместо того, чтобы заботиться о своем товарище, вы подвергли его опасности.

Альгару сильно повезло, что в данный момент он пребывал в целительском сне, а не стоял в кабинете. Да и прибывшие старшие братья горели желанием разобраться лично. Ректор возражать не стал.

Курсант опустил голову еще ниже. Плечи горестно поникли.

Сэльс поджал губы. Решение было очевидно, но оно ему не нравилось. Он столько времени потратил на подбор учеников в комнату к высочеству, выбирая из тех семей, которые в прошлом лояльно

отнесли к Шестой матери. Ведь дети — отражение настроений в семье, а ректору не хотелось еще больше осложнять жизнь принца. Что бы ни говорили при дворе, он настроен довести Альгара до выпуска, ибо терять курсантов Сэльс не любил.

После пробуждения у Шестого дара темного пламени он поздравил себя с верным выбором — четверка неплохо сдружилась. Но теперь...

— Ваша самонадеянность, нетерпеливость и поиск легких путей за счет других заставляют меня поменять вам комнату.

Мальчишка вскинулся. Лицо его было бледным, с красными пятнами ожогов, на щеках — засохшие дорожки слез, взгляд все еще мутный после целительского воздействия, но решимость, с которой курсант выпалил: «Нет, только не это!» — позабавила ректора. Он умел ценить преданность. Похоже, его высочество умеет завоевывать сердца. Ценное качество для правителя. Впрочем, это неудивительно. С такой-то ассарой.

Ассара. Мысль об этой женщине заставила Сэльса ощутить приступ неконтролируемого раздражения. Упрямая, независимая, временами наглая и настойчивая до зубной боли. Чудовищно смелая. Готовая защищать всех и вся. С ее появлением выверенное течение жизни в академии стало похожим на бурный поток горной реки. Сколько нервов она ему попортила...

Всем известно, что воспитанник становится похож на своего ассара. Сэльс с напряжением ловил эту схожесть. Порой он замечал, как знакомо Альгар вскидывает голову, как смотрит с вызовом, но тут же отметал подозрения: кровь королевской семьи слишком сильна, чтобы поддаться влиянию какой-то там женщины. И все равно не мог отделаться от ожидания.

Но сейчас надо было решать другую проблему.

— Нет ничего плохого в том, что дар запаздывает с пробуждением. Вам, курсант Шильярд, это должно быть известно. Но вы предпочли нарушить правила, а не следовать указаниям наставников. И как после этого я могу вам доверять?